

Императоръ Александръ I и русская оккупация Восточной Пруссіи

въ концѣ 1812 года и въ началѣ 1813-го.

I.

Невнелатинское афористическое изреченіе: „vox populi—vox dei“ (гласъ народа — гласъ Божій), нашедшее, какъ извѣстно, убѣжище себѣ во всѣхъ культурныхъ языкахъ, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія, ибо имѣетъ громадное значеніе при оцѣнкѣ нравственно-бытовыхъ явленій общественной, частной и семейной жизни. Но тотъ же гласъ народа утрачиваетъ, за рѣдкими исключеніями, тотчасъ же свой авторитетъ, когда коснется историческихъ событій. Переходящая отъ одного поколѣнія къ другому народная молва искажаетъ безъ всякаго умысла или злого намѣренія достовѣрность большинства фактовъ и характеристику дѣйствовавшихъ лицъ до полной ихъ неузнаваемости. Такимъ образомъ слагаются не только ошибочныя мнѣнія о минувшей эпохѣ, но и раздаются хвалебные гимны, звучащіе и по днесъ, лицамъ и учрежденіямъ, не имѣвшимъ, при тщательномъ, безпристрастномъ разслѣдованіи, никакихъ особенныхъ заслугъ въ воспѣваемыхъ народнымъ гласомъ событіяхъ. Добросовѣтный историографъ долженъ считаться съ тѣмъ, что подхваченный „народнымъ гласомъ“ и пущенный какимъ-нибудь случайнымъ запѣвалой, мотивъ варьируется капризной толпой подъ разными впечатлѣніями то на мажорный, то на минорный ладъ, или передвигается произвольно вверхъ или внизъ.

Въ новѣйшей исторіи, т.-е. въ событіяхъ, отдѣленныхъ отъ

насъ лишь однимъ столѣтіемъ, яркимъ примѣромъ подобной ошибочной оцѣнки является укоренившееся въ понятіяхъ большинства нѣмецкаго народа и отчасти даже въ литературѣ мнѣніе, что главными инициаторами пробужденія прусско-германскаго патріотизма въ концѣ 1812 г. и въ началѣ 1813 были Пруссія съ королемъ *Фридрихомъ Вильгельмомъ III во главѣ*. Хотя въ Германіи вскорѣ послѣ этого и раздавались въ печати и въ нѣкоторыхъ серьезныхъ историческихъ трудахъ голоса, исправляющіе этотъ черезчуръ односторонній, пристрастный взглядъ, но все же никто не рѣшался возстать энергично противъ „*возвышающаю чувства прусскихъ патріотовъ обмана*“ и отдать должную дань справедливости и благодарности тѣмъ, кто въ дѣйствительности первый кликнулъ кличъ прусско-германскому народу, призывая его сбросить Наполеоновское иго. Въ этомъ отношеніи заслуга Императора Александра I ждетъ еще своего признанія со стороны нѣмцевъ хотя бы постановкой памятника ему въ Кенигсбергѣ, но это, видимо, никогда не осуществится, ибо даже такому заслуженному германскому патріоту, какъ барону *Штейну*, не нашлось въ древней королевско-прусской резиденціи мѣста для его увѣковѣченія. *Штейнъ* былъ единственнымъ государственнымъ человѣкомъ изъ нѣмцевъ, состоявшимъ временно на русской службѣ, который дѣйствительно и чрезвычайно много содѣйствовалъ подъему народнаго духа въ Германіи. Но его дѣятельность носила характеръ добровольнаго служенія прусско-германскимъ интересамъ, хотя онъ и опирался на мощный авторитетъ русскаго царя. Императоръ *Александръ I*, давшій самъ себѣ клятву уничтожить врага, смотрѣлъ въ противоположность *Штейну* на пробужденіе нѣмецкаго патріотизма не какъ на самодовлѣющую цѣль, а лишь какъ на необходимое средство для конечнаго вѣнчанія предпринятаго имъ дѣла. Легенда о мнимыхъ великихъ заслугахъ короля *Фридриха Вильгельма III* и его присныхъ въ этомъ направленіи возникла благодаря услужливымъ льстецамъ, торопившимся въ печати и публичныхъ собраніяхъ распространять славу монарха на поприщѣ, *идѣ онъ не съялъ, а только пожиналъ!* Такъ, между прочимъ, одинъ очень посредственный, третьестепенный писатель-цигъ, придворный совѣтникъ *Клауренъ*, настоящая фамилія котораго была Гейнъ (Heun), написалъ стихотвореніе на мотивъ „*Der König rief und alle, alle kamen*“ (кликнулъ король, и всѣ на зовъ явились), переложенное затѣмъ на музыку. Въ этомъ ничтожномъ произведеніи вся заслуга въ дѣлѣ освобожденія Пруссіи отъ французской тиранніи приписывалась королю. Что

въ дѣйствительности дѣло происходило совершенно иначе, теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы постараемся по случаю празднуемыхъ, въ настоящее время, въ Германіи столѣтнихъ юбилеевъ, памятныхъ событій той эпохи, возстановить и для русскихъ читателей хронологію и психологическую сторону первоначальныхъ этихъ событій въ концѣ 1812-го года и въ началѣ 1813-го, какъ имѣвшихъ рѣшающее значеніе на весь дальнѣйшій ходъ исторіи.

II.

До сихъ поръ ученые изслѣдователи великой эпохи, начавшейся съ французской революціи и кончившейся паденіемъ Наполеоновской имперіи, не могли отыскать настоящихъ, побудительныхъ причинъ, вызвавшихъ войну 1812 года и упорное ея продолженіе послѣ изгнанія врага изъ предѣловъ Россіи. Всѣ данныя въ этомъ направленіи объясненія не могутъ удовлетворить серьезную историческую критику. Менѣе всего заслуживаютъ вниманія указанія на различіе характеровъ и возрѣвній между Наполеономъ I и Александромъ I. Такія сопоставленія могутъ дѣлать только дилеттанты, ибо что касается характера, темперамента и духовнаго развитія, то русской самодержецъ ни съ однимъ изъ монарховъ тогдашнихъ великихъ и второстепенныхъ державъ не сходилъ во взглядахъ и не питалъ ни къ кому изъ нихъ симпатій. Ни къ прусскому королю *Фридриху Вильгельму III*, ни къ императору австрійскому *Францу*, онъ не проявлялъ ни малѣйшаго расположенія, напротивъ, чувствовалъ къ обоимъ извѣстную долю личной неприязни, которую умѣлъ только очень ловко скрывать. *Наполеонъ I* былъ ему въ сущности гораздо болѣе по душѣ, если бы не тщеславіе *Александра I* и затаенная зависть не препятствовали искреннему сближенію этихъ двухъ могущественнѣйшихъ, въ ту пору, монарховъ міра.

„*Рука Всевышняго отечество спасла*“. Прекрасный этотъ, хотя и немного наивный, стихъ Кукольника никогда не слѣдовало бы забывать *Александру I*. Послѣ перехода черезъ Березину и тайнаго бѣгства *Наполеона* прямо въ Парижъ, русской арміи слѣдовало бы дать отдыхъ, прекративъ дальнѣйшее преслѣдованіе жалкихъ французскихъ отрядовъ, утратившихъ послѣдніе признаки всякой военной организаціи. Между тѣмъ русской царь горѣлъ желаніемъ продолжать войну, которая со дня Кутузовской прокламаціи въ Калишѣ, отъ 25-го марта 1813 года, гдѣ фельдмаршалъ призывалъ народы Европы присоединиться

къ нему, превратилась изъ національно-русской въ политическую. О защитѣ отечества уже никто больше не говорилъ, а мысли и сужденія вращались вокругъ вопроса о „спасеніи Европы“. Въ пятый разъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, русскія войска должны были сражаться за интересы не только другихъ, хотя-бы дружественныхъ намъ народовъ, но и въ пользу завѣдомо враждебныхъ Россіи государствъ. Омоченный кровью, до нѣдръ земли и вымощенный костями 300.000 русскихъ воиновъ, путь отъ Москвы да Калиша мы продолжали прокладывать до самаго Парижа. Неужели и тутъ „рука Всевышняго“ охраняла заботливо интересы отечества? Всѣ увѣренія военныхъ историковъ и публицистовъ-политиковъ, что *Наполеонъ*, не преслѣдуемый русской арміей, предпринялъ бы, собравшись съ силами, немедленно вторичный походъ въ Россію, представляютъ собой ни на какихъ реальныхъ данныхъ не основанное мнѣніе. Если онъ даже самъ увѣрялъ въ этомъ окружающихъ его людей, какъ это было во время его бѣгства въ Польшу, то подобныя увѣренія отнюдь не могли служить доказательствомъ серьезнаго его намѣренія—вновь испытать счастье на поляхъ Россіи, гдѣ валялись еще десятками тысячъ непохороненные трупы павшихъ французскихъ легіоновъ. Великій полководецъ отлично сознавалъ все безуміе сломить силу Россіи вторичнымъ вторженіемъ въ ея предѣлы. Духъ его войска былъ настолько надломленъ и подавленъ страшнымъ пораженіемъ 1812 года, что ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ за катастрофой официальныхъ приказовъ по арміи онъ ни единымъ словомъ не намекалъ на желаніе отомстить за походъ въ Россію. Вопросъ касался исключительно сохраненія Франціей престижа первенствующей великой державы и удержанія завоеваній, сдѣланныхъ со временъ республики. Если же дотолѣ грозный и непобѣдимый диктаторъ Европы держалъ себя вызывающе и крайне надменно при переговорахъ о мирѣ съ другими представителями европейскихъ державъ, то это былъ съ его стороны тактической приемъ, не лишенный коммерческаго разчета въ смыслѣ черемърнаго запрашиванья, дабы потомъ можно было подъ наплывомъ показного великодушія кое-что и уступить. Но въ душѣ онъ былъ бы очень радъ, если бы начатые въ маѣ 1813 г. переговоры о перемиріи кончились настоящимъ, прочнымъ миромъ. Психическое настроеніе *Наполеона*, при началѣ кампаніи 1813 года, было далеко отъ воодушевленія, охватившаго его въ маѣ 1812 года въ Дрезденѣ и особенно въ дни пребыванія въ Вильнѣ, когда велъ онъ бесѣду съ генераль-адъютантомъ *Балашевымъ*.

Духъ его былъ омраченъ, сильно озабоченъ, что проглядывало въ нерѣзительности его дѣйствій. Въ день отъѣзда изъ Парижа къ дѣйствующей арміи, императора встрѣтила, ожидавшая его за заставой, громадная народная толпа, единодушными криками: „миръ, миръ!“ Высунувшись изъ коляски, Наполеонъ крикнулъ громко толпѣ: „Черезъ два мѣсяца вы будете имъ наслаждаться!“ Не могъ же гениальный полководецъ надѣяться, что покончить съ коалиціей враговъ въ какіе-нибудь два мѣсяца; онъ несомнѣнно надѣялся не на одинъ успѣхъ оружія, но и на дипломатическую кампанію. Не могло укрыться отъ его внимательнаго взора и то обстоятельство, что послѣ несчастнаго похода въ Россію, всѣ внѣшніе и внутренніе противники французскаго имперіализма значительно *осмѣляли*. Ему навѣрно донесли, что на другой день послѣ его отъѣзда изъ столицы, на стѣнахъ Тюильрійскаго дворца красовалась надпись, полуаршинными буквами, гласящая: palais à vendre, couronne à reprendre, tyran à pendre.

Знакомясь глубже съ военно-историческими событіями 1813 года, приходишь къ заключенію, что ни въ одной изъ *предыдущихъ наполеоновскихъ кампаній* закулисная политика и подпольная дипломатическая интрига не играли такой выдающейся и рѣшающей роли, какъ именно во время похода въ предѣлахъ Германіи. Параллельно съ сражающимися арміями и въ унисонъ грохота тысячи орудій, велась не менѣе упорная духовная борьба, скрытая отъ глазъ профановъ, при чемъ нерѣдко группировка вѣющихъ въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ державъ была совсѣмъ иная, нежели на поляхъ сраженія. Съ русской стороны духовная эта кампанія велась почти единолично Императоромъ Александромъ I, несомнѣнно и сильно вдохновляемымъ своимъ бывшимъ воспитателемъ *Лазарюмъ*, а также и *Поццо ди Борго*.

Во многихъ русскихъ историческихъ трудахъ и очеркахъ приводится и утверждается, господствовавшее уже въ ту пору, мнѣніе, что Императоръ Александръ I подпалъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ подъ вліяніе, примазавшихся къ русскому двору и главной квартирѣ, „прусскихъ патриотовъ“, въ особенности барона *Штейна*. Подобный укоренившейся и въ русскомъ обществѣ взглядъ основанъ на слабомъ и крайне поверхностномъ знаніи достовѣрныхъ событій упомянутой знаменательной эпохи и подлинныхъ отношеній, господствовавшихъ между ставшими теперь историческими лицами, которыхъ, съ присущимъ, общественному мнѣнію, легкомысліемъ стали произвольно объединять узамъ дружбы, преклоненія другъ передъ другомъ, общностью интересовъ и прочими сентиментальными выдумками. При всемъ глубокомъ

уваженіи, которое *Александръ I* несомнѣнно питалъ къ выдающему государственному уму *Штейна*, послѣдній не имѣлъ никакого рѣшающаго вліянія на русскаго Императора. Что баронъ *Штейнъ* былъ лучше и вѣрнѣе оцѣненъ чужестраннымъ монархомъ, нежели своимъ собственнымъ, это не даетъ еще повода говорить о подпавшемъ подъ вліяніе иностраннаго министра русскомъ Государѣ. Не менѣе ошибочно и причисленіе *барона Штейна* къ *плеядѣ прусскихъ патриотовъ*, окружавшихъ Александра I. Великій государственный дѣятель и предшественникъ, въ стремленіи объединить Германію, болѣе счастливаго *Бисмарка*, не проявлялъ никакого особеннаго прусскаго патриотизма. Онъ былъ до мозга костей германцемъ и интересы, т.-е. благо Германіи, ставилъ онъ гораздо выше интересовъ Пруссіи. По своему рожденію *Штейнъ* не былъ даже пруссакомъ и подданнымъ короля *Фридриха Вильгельма III*. Родовой замокъ его предковъ вмѣстѣ съ обширными владѣніями находились въ герцогствѣ *Нассаускомъ*, и онъ былъ въ сущности полунезависимымъ феодаломъ. *Freiher von Stein*, т. е. *свободный господинъ* былъ настоящій его титулъ. Прусскій король недолюбливалъ его не только за самостоятельный, непреклонный характеръ, но и за манеру держать себя съ особеннымъ достоинствомъ передъ нимъ; *Штейнъ* давалъ *Фридриху Вильгельму* нерѣдко понять, что, согласно древне-германскимъ имперскимъ постановленіямъ, его родъ является такимъ же сувереннымъ, какъ и *Гогенцоллернскій*. Тѣмъ не менѣе *Штейнъ* былъ въ своихъ воззрѣніяхъ отнюдь не феодалъ. Всю жизнь гордился онъ подвигомъ, который удалось совершить ему въ бытность свою прусскимъ министромъ финансовъ. Подвигъ этотъ заключался въ постройкѣ цѣлой сѣти шоссеиныхъ дорогъ въ *Вестфалии*, безъ принудительныхъ бесплатныхъ работъ со стороны крестьянскаго населенія (барщины) и обложенія его на этотъ случай особымъ налогомъ. Это былъ первый блестящій опытъ сооруженія дорогъ въ Германіи, исключительно на средства одной государственной казны. Удачное выполненіе такой не легкой для того времени задачи необычайно импонировало и Императору *Александру I*.

Иначе были отношенія между русскимъ самодержавнымъ царемъ и бывшимъ его воспитателемъ изъ французской Швейцаріи. „Смиранный яacobинецъ“ *Лагартъ* („*La Harpe*“) тайлъ въ своей душѣ многострунную арфу, настроенную на всевозможные лады, но только не на русскій. Къ сожалѣнію, многосложные аккорды въ душевной арфѣ *Лагарта* находили живѣйшій отзвукъ (резонансъ) въ умѣ и сердцѣ Императора *Александра I*. Чтобы

настроить надлежащимъ образомъ своего царственнаго друга, швейцарскій республиканецъ и пламенный ненавистникъ *Наполеона* не останавливался передъ выдумками, разжигающими воображеніе и безъ того достаточно экзальтированнаго русскаго Императора. Объ отношеніи Александра I къ бывшему своему наставнику можно судить по письму барона *Штейна* къ своей женѣ, урожденной графини *Вальмоденъ* отъ 27-го января 1814 года, въ которомъ онъ описываетъ вечеръ, на которомъ *Александръ I* представлялъ *Лаарта*: „Il est touchant de voir la manière respectueuse dont il le traite; il le présente en disant: C'est mon second père; si je vauх quelque chose, et si je suis quelque chose, c'est à lui que je le dois“. Изъ этого показанія можно вывести заключеніе, что Александръ I былъ прямо загипнотизированъ *Лаартомъ* и если онъ съ такимъ упорствомъ увлекался мыслью освобожденія Европы отъ наполеоновскаго ига, то только благодаря внушеніямъ со стороны *Лаарта*, *Поццо ди Борю* и представителя Англіи графа *Мюнстера*. *Штейнъ* стоялъ также за низверженіе „Корсиканскаго завоевателя“, но не изъ чувства личной мести, или желанія унижить Францію, страну, которую онъ высоко цѣнилъ за оказанныя ею услуги цивилизаціи.

III.

Переходъ русскихъ войскъ, въ концѣ декабря 1812 года, черезъ Прусскую границу, совершался одновременно въ различныхъ мѣстахъ. Хотя Прусское государство официально находилось еще въ войнѣ съ Россіей и таурогенская конвенція, заключенная между *Витенштейномъ* и прусскимъ генераломъ *Горкомъ*, не получила еще санкціи короля, тѣмъ не менѣе жители восточныхъ окраинъ Прусскаго королевства и въ особенности представители провинціально-земскихъ и сословныхъ учреждений встрѣтили русскихъ какъ давно желанныхъ избавителей отъ французскаго и едва-ли еще не болѣе отъ польскаго ига, такъ какъ послѣдніе вели себя со времени основанія *Наполеономъ* великаго герцогства Варшавскаго донельзя вызывающе и грубо по отношенію къ жителямъ восточной Пруссіи и Силезіи. Черезъ послѣднюю провинцію проходила, по тильзитскому договору, военная, нейтральная дорога, соединяющая территорію вновь созданнаго Варшавскаго великаго герцогства съ Саксоніей, король которой былъ и сувереномъ этого чисто польскаго государства.

Слѣдовавшіе по этой дорогѣ непрерывные обозы и воинскіе отряды творили надъ беззащитными обывателями грубѣйшія

насилія. Въ силу всѣхъ этихъ воспоминаній и подъ наплывомъ радостнаго чувства избавленія, жители прилегавшихъ къ нейтральной дорогѣ мѣстностей стаскивали первыхъ появившихся казаковъ силой съ лошадей, обнимая, цѣлуя ихъ и набивая имъ карманы продовольствіемъ, лакомствами и деньгами. И въ то время, какъ центральное правительство въ Берлинѣ не знало, на что рѣшиться, населеніе Восточной Пруссіи съ представителями земскихъ и городскихъ сословій во главѣ перешло открыто на сторону Россіи, развернувъ смѣло знамя возстанія противъ французскаго владычества. Сто лѣтъ назадъ восточную прусскую провинцію можно было бы—по консервативно-монархическому духу и преданности династіи—назвать прусскою Вандеей, если бы такому сравненію не противилось отчасти слишкомъ смѣшанное по національности и религіозному вѣрованію населеніе. Страна была исключительно земледѣльческая и малонаселенная. Въ культурно-экономическомъ отношеніи она сильно отставала отъ прочихъ прусскихъ и германскихъ провинцій.

Авангарды русской арміи, перешедшіе около Полангена, Мемеля и Тильзита прусскую границу, находились по отзывамъ всѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей въ самомъ жалкомъ состояніи. Съ виду они мало отличались отъ возвращавшихся французовъ; лишь правильно сомкнутые ряды шествовавшихъ колоннъ и отдѣльныхъ частей указывали на господствовавшій въ нихъ еще духъ воинской дисциплины. Недостатокъ въ аммуниціи, обмундированіи и продовольствіи былъ громаднѣйшій, обозы, вслѣдствіе сильнѣйшаго падежа лошадей, отставали на многіе десятки верстъ. 6-го января 1813 года генералъ *Витенштейнъ* вступилъ въ Кенигсбергъ. Отрядъ его находился въ такомъ плачевномъ состояніи, что по мнѣнію компетентныхъ лицъ онъ, при случаѣ, не въ силахъ былъ бы справиться даже съ враждебно настроенной, хорошо вооруженной толпой, а тѣмъ паче съ открытымъ возстаніемъ жителей большого укрѣпленнаго города. Съ прибытіемъ *Витенштейна* въ столицу восточно-прусской провинціи опубликованъ былъ и манифестъ Императора *Александра I* на французскомъ языкѣ, призывавшій населеніе встрѣтить русскихъ какъ безкорыстныхъ друзей-освободителей и обѣщавшій строжайшую неприкосновенность личности каждаго жителя и полную охрану его имущества. Манифестъ призывалъ также и къ присоединенію вооруженныхъ силъ провинціи къ дѣйствующимъ русскимъ отрядамъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Но несмотря на всѣ обѣщанія русскаго царя и готовность громаднаго большинства народонаселенія восточно-прусской про-

винціи ринуться тотчасъ же вмѣстѣ съ русскими товарищами въ бой противъ французскихъ угнетателей, положеніе было весьма неопредѣленное, запутанное и порою даже довольно критическое. Зависѣло это отъ многихъ, крайне сложныхъ причинъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ образованіе, въ сферѣ активныхъ военно-политическихъ дѣйствій, европейской коалиціи противъ Франціи, *громаднаго гордіева узла*, разрубить который не рѣшался русскій *Александръ*, несмотря на свое—по увѣреніямъ *Наполеона*—душевное родство съ лукавымъ грекомъ и виѣшнее сходство съ великимъ македонскимъ царемъ.

Знаменитый въ свое время военный писатель, прусскій генералъ фонъ *Клаузевицъ* утверждалъ и доказывалъ на примѣрахъ, что война, т.-е. стратегическія и тактическія дѣйствія арміи, какъ вооруженной силы государства, является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ преслѣдованія заранее намѣченныхъ политическихъ цѣлей и непрерывнымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ до конца кампаніи. Чтобы вполне понять и убѣдиться въ вѣрности этого опредѣленія, т.-е. скрытой психологической стороны вооруженнаго столкновенія между государствами, стоитъ только углубиться въ исторію похода русскихъ войскъ въ Германію въ 1813 году. Никогда государственные русскіе интересы такъ не страдали отъ отсутствія въ главной квартирѣ просвѣщеннаго талантливаго и патриотическаго руководителя виѣшной политики, умѣвшаго соразмѣрно военнымъ дѣйствіямъ и успѣхамъ арміи заготовлять и расширять, согласно обстоятельствамъ, политическія программы съ строго обозначенными пунктами, не допускавшими ни малѣйшаго отступленія, какъ въ ту безспорно славную для нашего оружія, но и несомнѣнно вѣсчастную для нашего національнаго и политическаго самолюбія эпоху. Тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, если и не глупый, но все же слишкомъ молодой, неопытный и не въ мѣру ужъ любившій спокойствіе и комфортъ, графъ *Нессельроде* ратовалъ при каждомъ удобномъ случаѣ за скорѣйшее прекращеніе войны и примиреніе съ *Наполеономъ*, что само по себѣ еще не представляло абсолютной ошибки. Но *Нессельроде* рисовалъ себѣ окончаніе кампаніи и уходъ русской арміи изъ предѣловъ Германіи какъ финалъ великодушнаго, безкорыстнаго дѣянія, т.-е. безъ всякаго существеннаго вознагражденія Россіи за принесенныя ею громадныя жертвы людьми и деньгами. Но мудрено послѣ этого, что находившійся постоянно въ главной квартирѣ русскаго Императора баронъ *Штейнъ* не ладилъ съ графомъ *Нессельроде*;

они были постоянно въ контрахъ, и нужно отдать справедливость великому германскому патріоту, что онъ гораздо энергичнѣе отстаивалъ интересы и права русскихъ въ занятыхъ ими прусскихъ областяхъ, нежели *Нессельроде* и прочіе совѣтники Александра I.

Первый серьезный конфликтъ между русскими военными властями, барономъ *Штейномъ*, какъ уполномоченнымъ правителемъ восточно-прусской провинціи отъ имени русскаго Императора съ одной стороны и прусскимъ генераломъ *Йоркомъ* съ высшими гражданскими чинами провинціи съ другой, возникъ по поводу созыва провинціального сейма для обсужденія критическаго положенія страны и предложенія Императора Александра I. Сдѣланныя по этому поводу барономъ *Штейномъ* распоряженія и приказанія были признаны генераломъ *Йоркомъ*, президентомъ округа фонъ *Шенемъ* и еще нѣкоторыми вліятельными лицами незаконными. Они открыто отрицали у *Штейна* право созывать именованъ Императора *Александра I* провинціальный сеймъ. Право это принадлежало, по мнѣнію прусскихъ патріотовъ, одному законному монарху, т.-е. прусскому королю *Фридриху Вильгельму III*. Но послѣдній и не думалъ въ ту пору переходить на сторону Россіи, созывать провинціальные сеймы, вооружать ополченіе и стать открыто на сторону противниковъ *Наполеона*. Робкій, не дальновидный, подозрительный, но зато упрямый, заносчивый и не особенно богато одаренный интеллектуальными способностями король *Фридрихъ Вильгельмъ III* игралъ въ первый, первоначальный періодъ такъ называемой освободительной войны 1813 года довольно незначительную, чтобы не сказать жалкую роль. Когда генералъ *Йоркъ* послалъ ему еще изъ Вильны секретное донесеніе съ запросомъ, какъ ему поступить въ виду полного распада французской арміи и корпуса маршала *Макдональда*, въ составъ котораго входилъ отрядъ генерала *Йорка*, король отвѣтилъ въ обычномъ нерѣшительномъ тонѣ: „*Den Umständen gemäss handeln und nicht über die Schnur hauen.*“ (Дѣйствовать согласно обстоятельствамъ и не хватать черезъ край, т.-е. не переборщить). Когда же онъ получилъ официальное извѣщеніе о таурогенской конвенціи, первыя его слова были: „*Da soll einen doch gleich der Schlag treffen.*“ (Да вѣдь тутъ можетъ съ человѣкомъ сдѣлаться ударъ). Онъ, недолго думая и не вѣдая настоящаго положенія дѣлъ, послалъ приказъ о смѣщеніи генерала *Йорка* съ должности командира прусскаго корпуса и преданія его военному суду, а также и о продолженіи военныхъ дѣйствій въ случаѣ наступленія русскихъ войскъ.

Фридрихъ Вильгельмъ III, равно какъ и подавляющее большинство его подданныхъ желали послѣ того, какъ выяснился окончательный разгромъ французской арміи, сохранить во что бы то ни стало абсолютный нейтралитетъ! Когда это послѣ всесторонняго обсужденія оказалось невозможнымъ, онъ поручилъ князю Гарденбергу обратиться сначала съ предложеніемъ къ Наполеону, съ которымъ Пруссія де согласна была бы заключить оборонительный и наступательный союзъ, *но на новыхъ условіяхъ!* Въ проектѣ договора король требовалъ значительнаго увеличенія своей территоріи и вознагражденія въ размѣрѣ 90 милліоновъ франковъ за убытки, причиненные французской арміей при проходѣ ея въ 1812 году черезъ прусскія владѣнія. Ни о какомъ воззваніи къ своему народу сбросить французское иго король въ то время, когда уже Восточная Пруссія занята была русскими войсками, и не мечталъ! *Наполеонъ* отвѣтилъ уклончиво, т.-е. ни да—ни нѣтъ, и переговоры были прерваны. Несмотря на строжайшую тайну, сопровождавшую обмѣнъ мнѣній между Берлиномъ и Парижемъ, въ публику проникло кое-что изъ секретнаго содержанія дипломатической переписки. Появившееся воззваніе *Фихте*: „An die undeutsche Nation“ (къ анти-нѣмецкому народу), пламенные призывы къ возстанію молодого высокоталантливаго поэта-героя *Теодора Кернера*, его воинственная ода: „Wach auf mein Volk, die Flammenzeichen rauchen, hell aus dem Westen dringt der Freiheit Licht“. („Проснись народъ. Костры уже пылаютъ, свободы лучъ съ востока къ намъ проникъ“) были лучшимъ отвѣтомъ на явные и тайные замыслы нерѣшительнаго и враждебно настроеннаго всякому проявленію великогерманскаго патриотическаго чувства, прусскаго короля. Нѣмецкіе партизаны, какъ, напримѣръ, *Дернбергъ*, призывавшіе молодежь записаться въ ряды защитниковъ отечества, разсылали рядомъ съ этими воззваніями и манифестъ Императора Александра I отъ 6-го января. Въ одномъ изъ своихъ обращеній къ населенію нѣмецкой области, лежащей по обоимъ берегамъ Майна вплоть до Рейна (*Дернбергъ* былъ родомъ изъ Гессена), онъ грозилъ пустить гулять краснаго пѣтуха по крышамъ домовъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, жители которыхъ будутъ по-прежнему считать телятину и красное вино превыше всякихъ отечественныхъ интересовъ.

Но мы забѣжали немного впередъ, изъ желанія доказать на дѣлѣ, что національно-патриотическій подъемъ въ Пруссіи отнюдь не исходилъ изъ наивысшихъ правительственныхъ

сферъ, а былъ результатомъ дѣйствій лицъ, дѣйствовавшихъ независимо отъ Берлина и съ одобренія этого движенія высокимъ его покровителемъ Александромъ I. Положеніе русскаго царя, стоявшаго со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ у границъ государства, съ которымъ онъ находился въ официальной войнѣ, но которое онъ намѣревался облагодѣтельствовать, было донельзя затруднительное. Единственный совѣтникъ, обладавшій государственнымъ умомъ и широкимъ политическимъ горизонтомъ, былъ, хотя и безупречной честности человекъ, но все-же не русскій. Отстаивать и охранять исключительно только русскіе интересы онъ, во-первыхъ, никѣмъ не былъ уполномоченъ, а во-вторыхъ и не могъ, коль скоро это не согласовалось съ его убѣжденіями, а главное совѣстью. Тѣмъ не менѣе Штейнъ отстаивалъ при случаѣ энергичнѣе русскую точку зрѣнія, нежели призванныя стоять на стражѣ русскихъ интересовъ лица.

Теперь вернемся опять къ событіямъ. Въ прибывшихъ 24 января въ Кенигсбергъ берлинскихъ газетахъ были напечатаны правительственныя распоряженія вмѣстѣ съ приказомъ о генералѣ *Йоркѣ*; послѣдній сложилъ съ себя должность командира, хотя, не гласно, оставался начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ, ибо не находилъ замѣстителя, согласнаго до присылки новаго командира изъ Берлина занять этотъ отвѣтственный постъ. Опираясь на содержаніе столичныхъ газетъ, *Штейнъ* сталъ настаивать на созывѣ провинціального сейма именемъ Императора *Александра I*, доказывая, что по международному праву русскій монархъ является въ завоеванной вражеской странѣ законнымъ повелителемъ, что русскіе даже въ правѣ взимать контрибуціи, налоги, заниматься реквизиціей фуража и продовольствія и т. д. Если же все это они не продѣлываютъ, то исключительно изъ великодушія. Но такое вразумленіе не подѣйствовало на генерала *Йорка*, президента фонъ *Шена* и другихъ восточно-прусскихъ патріотовъ. *Штейна* стали открыто называть измѣнникомъ. Генераль *Йоркъ* оспаривалъ фактъ завоеванія Восточной Пруссіи русскими, ссылаясь на добровольное соглашеніе въ Таурогенѣ съ Дибичемъ относительно прекращенія военныхъ дѣйствій. Въ словесныхъ столкновеніяхъ съ барономъ *Штейномъ*, генераль *Йоркъ* дошелъ до прямыхъ угрозъ и на замѣчаніе *Штейна*, что онъ, какъ уполномоченный русскаго Императора, можетъ заставить подчиняться его приказаніямъ, крикнулъ со сверкающими отъ гнѣва глазами: „не забывайте, что въ такомъ случаѣ я прикажу бить въ городъ военную

тровоу, и тогда мы увидимъ, что станетъ съ нашими русскими“. На это отвѣтилъ ему Штейнъ: „генераль, вы, кажется, не желаете довести затѣянное вами въ Таурогенъ дѣло до благополучнаго конца“. Поведеніе генерала *Йорка* тѣмъ болѣе непонятно и достойно осужденія, что когда онъ до вступленія въ Кенигсбергъ жаловался графу *Виттенштейну* на недостатокъ необходимыхъ средствъ для пополненія своихъ кадровъ и общей реорганизаціи ввѣреннаго ему корпуса, то благодаря донесенію объ этомъ *Виттенштейномъ* въ главную квартиру въ Калишѣ. Императоръ *Александръ I* согласился дать для приведенія корпуса генерала *Йорка* въ боевое состояніе 500.000 р. подъ простую росписку. Но кромѣ генерала *Йорка* было еще не мало другихъ вліятельныхъ лицъ въ высшей прусской администраціи, относившихся съ непонятнымъ высокомеріемъ къ русскимъ и даже къ особѣ Государя. Къ числу такихъ прославленныхъ въ нѣмецкихъ историческихъ очеркахъ патриотовъ принадлежалъ, уже раньше нами упомянутый, президентъ провинціального округа *фонъ Шенъ*, которому благодарное провинціальное отечество поставило даже памятникъ. По отзывамъ безпристрастныхъ людей, *фонъ Шенъ* былъ преисполненъ герострацизма, другими словами, онъ способенъ былъ къ самымъ рискованнымъ дѣяніямъ, лишь бы обратилъ на себя вниманіе. При этомъ онъ никакъ не могъ дойти до признанія чужихъ заслугъ. Сей убѣжденнѣйшій и упорнѣйшій противникъ *барона Штейна* старался всѣми мѣрами возбудить подозрѣніе прусскаго населенія противъ мнимыхъ замысловъ русскихъ, выставляя себя въ одно и то же время вѣрнымъ и крайне бдительнымъ стражемъ интересовъ своего отечества.

Послѣ таурогенской конвенціи, русскіе отряды, подъ начальствомъ полковника *Теттенборна* и *Дибича*, заняли Тильзитъ и Мемель, при чемъ послѣ перехода на лѣвый берегъ Нѣмана имъ приходилось выдерживать, несмотря на всѣ уговоры, конвенціи, атаки незначительныхъ частей прусскихъ войскъ. Назначенный военнымъ губернаторомъ оккупированныхъ областей, генераль *маркизь Паулуччи* сталъ управлять округомъ въ которомъ *фонъ Шенъ* и значился президентомъ—на основаніи данныхъ ему Императоромъ *Александромъ* приказаній. Онъ сталъ взимать налоги и пользоваться государственнымъ имуществомъ для нуждъ своего управленія и русскихъ войскъ. Противъ этихъ дѣйствій возстали съ необычайной яростью генераль *Йоркъ* и *фонъ Шенъ*. Такъ какъ переписка ихъ съ генераломъ *маркизомъ Паулуччи* ни къ чему не привела, то *Шенъ* послалъ

барону Штейну маіора фонъ Плото съ предъявленнымъ требованіемъ относительно немедленнаго удаленія русскихъ войскъ изъ Тильзита и Мемеля и отмѣны распоряженій маркиза Паулуччи. Шенъ просилъ Штейна сообщить объ этихъ домогательствахъ самому Императору Александру I, прибавивъ, что если не послѣдуетъ въ кратчайшій срокъ отмѣна распоряженій маркиза Паулуччи, то онъ вынужденъ будетъ возбудить среди народонаселенія возстаніе противъ русскихъ, долженствующее окончиться, въ виду полной дезорганизаціи русскихъ войскъ, позорнымъ изгнаніемъ ихъ изъ предѣловъ Восточной Пруссіи. Правительственный совѣтникъ Шульцъ, служившій у Шена и считавшійся его правой рукой, выразился въ разговорѣ съ адъютантомъ Виттенштейна, полковникомъ Экспарре на ту же тему по адресу русскихъ такъ: *Wir hassen die asiatische Apathie nicht ninder, als die französische Despotie!* (мы ненавидимъ азіатскую апатичность не менѣе французскаго деспотизма).

Какое настроеніе царило въ ту пору въ русской главной квартирѣ въ Калишѣ, намъ неизвѣстно, но судя по послѣдовавшему Высочайшему повелѣнію объ отмѣнѣ всѣхъ распоряженій маркиза Паулуччи должно быть, — очень подавленное, иначе нельзя себѣ объяснить такую уступчивость, проявленную по отношенію къ зазнавшимся представителямъ прусской военной и гражданской власти.

Не прошло еще и года, какъ та же высшая провинціальная администрація Восточной Пруссіи вынуждена была въ мирное время исполнять, и притомъ непрекословно, приказанія, вмѣстѣ съ требованіями, могущими быть предъявленными только вассальному государству, французскаго консула къ Кенигсбергѣ относительно беспошлиннаго и бесплатнаго пропуска тысячи мачтъ, срубленныхъ на верховьяхъ Нѣмана въ Гродненской губерніи, черезъ границу, шлюзы и каналы до Эльбинга, для дальнѣйшей ихъ отправки во Францію, гдѣ предназначались онѣ для „императорскаго флота“, что было особенно подчеркнуто консуломъ въ официальной бумагѣ, посланной оберъ-президенту (Chefpresident) фонъ Ауэрсвальду. Тонъ этого консульскаго посланія былъ таковъ, что не допускалъ и мысли о возможномъ отклоненіи просьбы“.

М. П. Станиславскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

